

## СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ АЛЕКСАНДРА КОЙРЕ

Круглый стол. Москва, Институт философии РАН,  
25 сентября 2014 г.

*И.С. КУРИЛОВИЧ*

Полвека назад скончался Александр Койре, знаменитый французский философ российского происхождения, историк мысли, сила интеллектуального влияния которого заставила отсчитывать историю философии науки от него. «Современное значение идей Александра Койре» – Круглый стол под таким названием организовал сектор современной западной философии Института философии Российской академии наук в рамках постоянно действующего семинара «Философия Франции в России» под руководством **Ирины Игоревны Блауберг** и **Ирены Сергеевны Вдовиной**.

На Круглом столе выступили с докладами: **Анна Владимировна Ямпольская** – доктор философских наук, автор ряда статей и книг по истории французской феноменологии, давших возможность отечественным исследователям по-новому взглянуть на всю французскую феноменологию и увидеть ее современное состояние; **Дарья Николаевна Дроздова** – кандидат философских наук, ее диссертация об интерпретации Научной революции в работах Александра Койре, помимо анализа понятия «Научная революция», впервые дала российским исследователям доступ к массе архивных материалов о жизни философа; третий доклад представил аспирант Центра феноменологической философии философского факультета РГГУ **Иван Сергеевич Курилович**.

Круглый стол начался с доклада **А.В. Ямпольской** «*Интерпретации Платона у Койре и Хайдеггера*». Привычное представление о Койре как о философе науки в последние годы изменилось: он стал известен как исследователь истории и философии религии, мистических учений, философии истории, мысли вообще. Однако Койре до сих пор не рассматривался как политический философ, во всяком случае в исследованиях на русском языке. В своем докладе А.В. Ямпольская оставила блистательную биографию Койре, наполненную политическим действием, только в качестве фона, эксплицируя политическую философию Койре из его работ, и противопоставила ее политической философии Хайдеггера. Точки соприкосновения и расхождения политических философий Койре и Хайдеггера Ямпольская находит в интерпретациях философии Платона, о котором пишут оба философа, хотя столкновения их представлений в полном смысле не произошло, так как сдержанную критику Койре Хайдеггер вниманием не удостоил.

Ироничному Койре свойственно было приписывать авторство некоторых своих мыслей и черт исследуемым им мыслителям. Так, он пишет, что ироничным был сам Платон. Его ирония в том, что диалоги не выражают буквально то, что хотел сказать философ, а лишь показывают уровень, на который поднялся собеседник Сократа в том или ином диалоге. Важен для Койре и формат, выбранный Платоном – диалог. Он не позволяет мысли увлечься самой собой, оставаться безусловной, неоспоримой, не дает ей говорить для самой себя – для диалога нужен

Другой, адресность диалога есть основание горизонтальных связей, основание жизни полиса.

Иначе представляется в этом свете философия Хайдеггера — монологичная, почти пророческая, симпатизирующая поэзии, таков и хайдеггеровский Платон, несмотря на то, что античный классик относился к поэтам не столь радушно. Как замечает Ямпольская, представления Койре о поэзии наивны, даже «убоги»: поэзия, на его взгляд, — это удобоваримая форма выражения идей для людей попроще, сами же идеи знают и более адекватные формы выражения. Есть и другой недостаток поэзии для Койре — отсутствие необходимости в Другом, отсутствие коммуникации — это ее и роднит с хайдеггеровским стилем. Языку мало быть атрибутом *Dasein* и «домом» бытия, ему нужно стать общением, но не в его закрытой, даже «герметичной» форме (обмен новостями, болтовня), а диалогом, как открытой, понимающей и выражающей себя речью говорящих, речью адресной.

Другой важный мотив для критики Койре находит в хайдеггеровской концепции истины-алетей: согласно Ямпольской, критика Койре стоит на его отождествлении «сокрытия» и искажения, *pséudos* и *falsum*, он сводит их к ложному, тогда как у Хайдеггера — Анна Владимировна подтверждает это текстами немецкого философа, и некоторые из них были Койре недоступны, — сущность сокрытия двойственна, и, помимо лжи, имеет модус таинственного. Но Койре отказывает «тайне» Хайдеггера в подлинности, а «блужданию к истине» — в способности истину достичь. Тем самым, по его мнению, упускается автореферентность истины. В сокрытом как сокрытом, в хайдеггеровской «тайне» Койре не узнает или не хочет узнавать *Mysterium Magnum*, описанный им же в работе о Бёме, но, напротив, истолковывает хайдеггеровскую «тайну» в духе «заговора среди бела дня» — пропагандистской практики лжи тоталитарных режимов.

Так Койре меняет эпистемологический статус феноменализации «сокрытого как сокрытого» на статус этический и политический. Койре противопоставляет этой транслируемой «сверху» истине для посвященных, истину диалога, солидарность равных участников коммуникации, горизонтальные связи и абсолютную открытость как источник политического. Поэтому не может философ быть носителем речи мудреца (характерной, заметим, не только для Хайдеггера, но и для друга Койре — Кожева), но должен быть вопрошающим и иронизирующим, подобно Сократу.

Следующим прозвучал доклад **Д.Н. Дроздовой «Место Александра Койре в историографии науки XX века»**. Дарья Николаевна выбрала для исследования наиболее выдающуюся и прославленную часть интеллектуального наследия Койре — его труды по истории науки и эпистемологии. Их влияние было столь сильно, что современники Койре и в Европе, и в Америке, особенно младшие современники, создали представление, будто он был родоначальником современной истории науки. Дальнейшее развитие дисциплины виделось как история науки «после Койре» — даже отталкиваясь от него, исследователи видели, и многие до сих пор видят, его работы о Галилее и Ньюtone как образцовые. Для студентов Койре и вовсе был началом «новой эры», до которой было скорее летописание науки, чем ее история.

В своем докладе Д.Н. Дроздова раскрывает процесс зарождения такой легенды о Койре, показывает, что вхождение Койре в ассоциируемую теперь с ним дисциплинарную область не было простым. Исследовательский интерес Койре сместился к проблемам истории науки не сразу, переход длился долго и начался с отдельных статей и рецензий на книги по истории науки в конце 1920-х до 1933 г., когда он основательно взялся за Коперника, Кеплера, Декарта и Галилея. К тому времени без помощи Койре уже были сделаны значительные шаги к становлению современной истории и философии науки.

С одной стороны, эта была французская эпистемология, представленная двумя старшими современниками Койре Эмилем Мейерсоном и Леоном Брюнsvиком. Согласно Д.Н. Дроздовой, именно французская эпистемология в духе Мейерсона была воспринята Койре в большей мере, особенно представление о мыслительных «структурах», развитое в работах Койре в понятие «установки» («attitude»), а в дальнейшем перекочевавшее вместе с понятием Научной революции в концепцию Томаса Куна о «парадигмах» (Дроздова видит различие между взглядами Койре и Куна в том, что у Куна носители разных «парадигм» найти общий язык не могут, а Койре признает универсальный язык логики, благодаря которому ученые, зная исходные установки друг друга, могут говорить на одном языке). С другой стороны, к тому времени полным ходом, и не только во Франции, шел процесс институционализации истории науки, так в 1924 г. Анри Берр организовал Международный центр синтеза, а в 1928 – 1929 гг. Альдо Мьели собирает Международную академию истории науки (первоначально – международный комитет) и проводит в Париже Первый Международный конгресс по истории науки.

Собственно, конфликт с Альдо Мьели наиболее показателен в описании места Койре в историографии науки XX в. Мьели и его ближний круг не могли принять нападки Койре на «отца» новоевропейской науки. Суждения Койре, что Галилей был разрушителем аристотелевского Космоса, а его противники были не мракобесами, но учеными со своей вполне состоятельной логикой и ясными установками, воспринимались как скандал, как некорректные и безосновательные упрощения. Итальянец Мьели не мог простить какому-то «парвеню» (как заметила Дроздова, Мьели находил для Койре гораздо более резкие выражения) нападки на великого соотечественника.

До самой смерти Мьели в 1950 г. для Койре, набиравшего популярность год от года, были закрыты двери в Международную академию истории науки, и только в 1952 г. он был избран ее членом. Тем интереснее, что теперь главная награда созданной Мьели Академии, присуждаемая раз в три года за выдающиеся исследования истории научной мысли, называется «медаль Александра Койре».

Заключительным выступлением был доклад **И.С. Куриловича** *«Двойная предпосылочность гегелевской философии в интерпретации Александра Койре»*. В нем автор стремился показать, что Койре прочитывает философию Гегеля как следствие двух разнородных предпосылок: 1) интуитивной, скрывающей в себе (или за собою) определенную мысль-идею-образ, и 2) теологической, при которой учения немецких мистиков оказываются

абстракцией, внешним примером (прежде всего структурным, а не в виде прямого заимствования), лекалом гегелевского мышления.

В 1920-х гг. Койре вел в Париже курс «Спекулятивный мистицизм в Германии». Начав курс с немецких мистиков XVI в., он закончил его разбором философии Гегеля. Согласно Койре, Гегель не был ни мистиком, ни религиозным философом, более того, сам он был «глубоко нерелигиозным» человеком (возможно, как и в случае «ироничного» Платона, Александр Койре приписывает Гегелю собственные черты). Но есть структурный, логический момент, который позволил Койре объединить гегелевскую философию и немецкий мистицизм в едином курсе — центральное положение «Mysterium magnum Слова», принципиальность выражения тождественного через иное и в ином.

На основании того, что в интерпретации Койре теологические или теософские построения немецких мистиков стали прообразом логической системы Гегеля, для которой «тео-» есть лишь форма «представления», автор доклада заключил, что мистические доктрины оказались первой предпосылкой, определяющей для Койре гегелевскую философию, предпосылкой на уровне «установки».

Вторая предпосылка гегелевской философии в интерпретации Койре, согласно И.С. Куриловичу, сродни «внутренней интуиции». Койре в своих статьях рубежа 1920 — 1930-х гг. пишет, что мышление Гегеля, как и любого другого мыслителя, содержит некое «в себе» его личности, которое не сводится к языку, обстоятельствам или чему-то иному. В случае Гегеля этим нечто является связь понятий истории, времени и человеческого бытия, т.е., согласно Койре, диалектика вечности и времени.

Указанные пункты в интерпретации Койре Курилович сравнил с избранными местами из Большой и Малой Логики, а также из «Феноменологии духа», чтобы показать несоответствие между интерпретацией гегелевской философии Койре и гегелевскими работами. По мнению Куриловича, по большей части «историческое», а не «логическое» рассмотрение философии Гегеля привело к тому, что в интерпретации Койре образуются две противоречивые предпосылки: внешняя, на уровне «установки» и внутренняя, «интуитивная».

\*\*\*

Каждый из докладов был встречен живым обсуждением. Кроме замечаний организаторов Круглого стола, докладчики получили ряд ценных комментариев и вопросов от одного из признанных российских медиевистов **Михаила Львовича Хорькова**, известного философа и историка науки и техники **Виталия Георгиевича Горохова** и других участников Круглого стола. Не все заданные вопросы были простыми, многие обещают оказаться началом новой плодотворной работы, что говорит о полезности подобного рода научных встреч. Непростую роль модератора Круглого стола взял на себя и помог не превратить череду вопросов и ответов в бесконечную дискуссию автор исследований о философии Хайдеггера **Игорь Анатольевич Михайлов**.